

Vladimir Nabokov

“AN EVENING OF RUSSIAN POETRY”¹

---

*«...кажется, лучший поезд. Мисс Этел Винтер
Отделения Английского языка встретит Вас на
станции и...»*

Из приглашения лектору

Сегодня говорим о языке,
который вам покажется знакомым
в гранитных берегах ручью любому
бежать как русской хочется реке
и детям убежать во сне из дома.

Мой юный друг, гасите лампу, ибо
пусть породят проекторы фантом,
кириллица экранная красиво
мое напишет имя, а потом...
Наоборот, пожалуйста, спасибо.

Был нарисован этот алфавит
на спелых склонах Греции когда-то,
был птичий клин, стремящийся к закату,
моим полям и пасакам привит,
что сменой начертанья черевато.
Что, Сильвия?

*«Зачем Вы о словах?
Нам нужен глянец общих представлений.»*

Все связано на свете: свет и тени,
и семь цветов, где радуга крива.
Круглы слова, как семена растений,
как наших дивных гласных жернова,
как прячется морская синева
за темной створкой устрицы напрасно,
как тайна в яйце жива на пасху,
как шмель в бутон забравшийся едва.

---

¹ Original English publication in *The New Yorker*, March 3, 1945, p. 23.

© Demian Kudriavtsev, Russian translation, 2009.

© The Estate of Vladimir Nabokov, 2009. Published by permission.

«На что стихосложение похоже?»

Чужое ухо, Эми, может не узнать
как ямб хромой пиррихием обложен
сначала пробуждается от сна.
Закрой глаза! Мелодия слышна
и плещется развернутое слово,
вот первая стопа гудит одна,
за ней вторая, звуками полна,
влечет к себе стопу другую снова.

Вот так и зарождается звучанье,
как в школе черно-белой розы чайной
цветение в замедленном кино.

А рифмой завершается оно.
Привычно двойники гуляют парой,
любовь и кровь – сроднились рифмой старой,
природа и свобода, грязь и князь,
печаль и даль закатного пожара,
рекою по страницам разлилась.
И множество рифмуется с луной.
А жизнь и смерть без рифмы без одной.

Там за морем – мои владенья, где
имен гнедых порывистое ржанье,
и частые ступеньки по нужде
шаги причастий в шелковой пижаме,
текучие концы глаголов *«ыли»*,
ночной грядой замерший Алтай,
стих – озеро, где *«и»* кувшинки плыли.
Гудит бокал, но вот его накрыли
рукой. И замолкает красота.

«А что деревья? Птицы? Жемчуга?»

Березы или ель. Покорнейший слуга
ваш, Джоан и Синтия, что гусеница та –
свисает в пустоту с погибшего листа.
Покуда нить цела – березовых аллей
я вижу череду, открытую ветрам.
И все чернее ель, когда по вечерам
здесь редкий уголок колыхнется в золе.

Где рыщет зверь стиха, там первая в ряду –
тиха ночная трель соловушки в саду,
его особый свист, и крик, и перелив,
свирель его рулад на призрачный мотив.
Эпитетов пяток. Гуляя налегке
мы блеск и мишуру не продаем в строке.
И нас не умилит ночная красота
бриллиантовых витрин. Традиция не та.

Я словно в окружении теней,
чьи бороды и звания фальшивы,
зачем они являются ко мне,

то стражею мерещатся в окне,
то ворошат семейные архивы?
И дó ночи, точнее до зари
им не дают желанного покоя
черновики мои, листы, календари.
То мнётся привиденье у двери,
то памяти трезвонит колоколец.

Пока виденье призрачным не стало –
пустынная дорога далека
для Пушкина в его кибитке старой
рука поправит ворот и усталый,
зевая, он услышит ямщика.
И тучи надвигаются похожи
на смятые кусты моих *rakeet*
и ту же песню небо повторит,
где запахи травы и мокрой кожи.
Затем рыдания, дыханья сбой (Некрасов!)
нагроможденье, сутолока, всхлип,
где слог уже к соседнему прилип,
но звук для посвященного прекрасен.
Влюбленные в заброшенном саду,
мечтая о свободной светлой доле
для всех на свете новой лучшей доле,
где ветви и сердца колыхаются в саду.

Такая страсть к гиперболе повсюду
в поэзии, которая крота
мечтает видеть ласточкой. Летай,
летай мое загадочное чудо.
Где еле вьется тропка босонога
символики надуманной в плену,
всегда лежит поблизости дорога,
что в ссылку уведет и в тишину.

Когда бы время нас не поджимало
nevinossimo – я бы рассказал
еще, но мне тащиться до вокзала.

Услышит ли меня слепой щегол
в цилиндре том, что наполнял до края
я скорлупой яичной и его
теперь пустой ладонью накрывая,
напомню снова, что за мной следят,
пора уж расставаться, напоследок
пространство рассыпается назло
когда-то щедрой памяти, в которой
лежат предместья Мора, где село –
уже не пустыри – пустыня скоро,
и Западной Вирджинии сады,
дорога между изгородью сада
и ливнем, как предчувствие беды
потянет чем-то русским и не надо,
прошу не надо, я тебя прошу,
дай с головой укрыться малышу.

Кудесник собирает реквизит:
цветное покрывало с бечевою,
двойную рифму, вроде ничего я
не позабыл?
Но таинство невидимо, поверьте.
И чек несут с улыбкою в конверте.

*«Как скажем "восхищен уроком вашим"?
А "доброй ночи" как произнести?»*

Bessonmitza , tvoy vzor oonyl i strashen;
lubov' moja, otstoonika prostee.

(Insomnia, your stare is dull and ashen,
my love, forgive me this apostasy.)

Перевод Д. Кудрявцева

